

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Посвящается 1250-летию Старой Ладогы

ЛАДОГА
и ее соседи в эпоху средневековья

Санкт-Петербург
• 2002 •

Предлагаемый читателю сборник подготовлен в основном сотрудниками Отдела славяно-финской археологии Института истории материальной культуры Российской Академии Наук и посвящен проблемам археологии, истории и культуры Северной Руси, в особенности древней Ладогe, а также международной торговле и культурным связям Руси и сопредельных стран.

Для археологов, историков, искусствоведов и всех интересующихся прошлым Восточной и Северной Европы.

Редакционная коллегия: С.В. Белецкий, О.И. Богуславский (секретарь), А.Н. Кирпичников (ответственный редактор), Е.Н. Носов

Рецензенты: В.А. Алекшин, И.В. Дубов

Набор и верстка: О.И. Богуславский

Утверждено к печати Ученым советом Института истории материальной культуры Российской Академии Наук

Сборник печатается при финансовой поддержке Санкт-Петербургского научного центра Российской Академии Наук

На обложке: вислая печать митрополита Леона из г. Лаодикеи с изображением «Богоматери Одигитрии», XI в., найденная при раскопках в Старой Ладогe.

ISBN 5-201-01227-2

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE FOR THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE

Devoted to 1250 anniversary of Staraja Ladoga

LADOGA
and its Neighbours in Middle Ages

St.-Petersburg
• 2002 •

О ПОГРЕБАЛЬНОМ ОБРЯДЕ ВЕРХНЕЛУЖСКИХ СОПОК (по материалам Передольского погоста)

Бассейн р. Луги в ее верхнем течении (до впадения р. Оредеж) представляет собой крайнюю северо-западную часть ареала «классических сопок»¹. Здесь насчитывается не менее 96 местонахождений памятников этой культуры (без учета поселений, которых до сих пор найдено очень мало). Они занимают достаточно обширный, компактный регион протяженностью около 60 км с запада на восток и 40 км с юга на север (рис. 1). Юго-восточная граница региона проходит примерно в 30 км к северо-западу от оз. Ильмень.

В почвенно-ландшафтном отношении верхнее Полужье представляет собой абразионную озерно-ледниковую равнину с преобладанием слабоподзолистых и дерново-карбонатных почв². Сопочные насыпи, как правило, расположены в поле, в долинах рек и ручьев, на легко суглинистых и супесчаных участках. Прослеживается отчетливое тяготение их к наиболее плодородным почвенным массивам. Так приблизительно две трети пунктов, показанных на карте (рис. 1), локализуется на дерново-карбонатных почвах. Характерна также привязка сопочных местонахождений к участкам речных долин с широкой поймой.

Сопки верхнего Полужья отличаются от аналогичных памятников восточных районов Новгородчины своими сравнительно небольшими размерами и немногочисленностью насыпей в группах. Высота их редко превышает 3–3,5 м. Наиболее распространенным видом местонахождения является одиночная сопка. Группы свыше трех насыпей вообще представляют большую редкость. Как правило, им сопутствуют поселения не рядового характера, по-видимому, игравшие в IX–XI вв. роль окружных центров. Наиболее значительным центром такого рода в Полужье

являлся Передольский погост, в ближайшей округе которого сосредоточено крупнейшее в регионе скопление сопки (рис. 1, врезка)³. Его Центральная группа (Заполье I) примыкает непосредственно к обширному поселению X — сер. XII вв. на погосте. В прошлом она насчитывала не менее 10 насыпей⁴. В этой группе Лужским отрядом ИИМК в настоящий момент раскопано две сопки. Данные, полученные в ходе этих работ, и сравнение их с результатами последних исследований С.Л. Кузьмина в бассейнах рек Плюссы и Оредежа, позволяют предположить существование устойчивого и достаточно распространенного типа сопочной насыпи, характерного для западных районов Новгородской земли.

Центральная группа у Передольского погоста включала насыпи различных размеров — от гигантских до самых незначительных. Исследованная в 1985 г. сопка № 3 имела в поперечнике всего 14 м. Высота ее составляла, по-видимому, около 2 м. Вершина и часть северной половины насыпи были разрушены. Сопка № 4, раскопанная в 1996 г., в отличие от предыдущей, сохранила целую вершину. Ее размеры — 20 м в диаметре при высоте 1,8 м.

В отношении своей стратиграфии и структуры обе насыпи, раскопанные в Центральной группе, обнаруживают значительное сходство. У обеих в основании залегала прослойка погребенного дерна в виде площадки, вокруг которой грунт был подрезан. Подрезка велась на широкой площади, но неглубоко, поэтому ни четко выраженных «платформ», ни кольцевых рвов тут не наблюдалось. У сопки № 4 имелось с юго-запада углубление неправильной формы длиной в одну пятую окружности насыпи. Грунт из него был использован для досыпки верхней

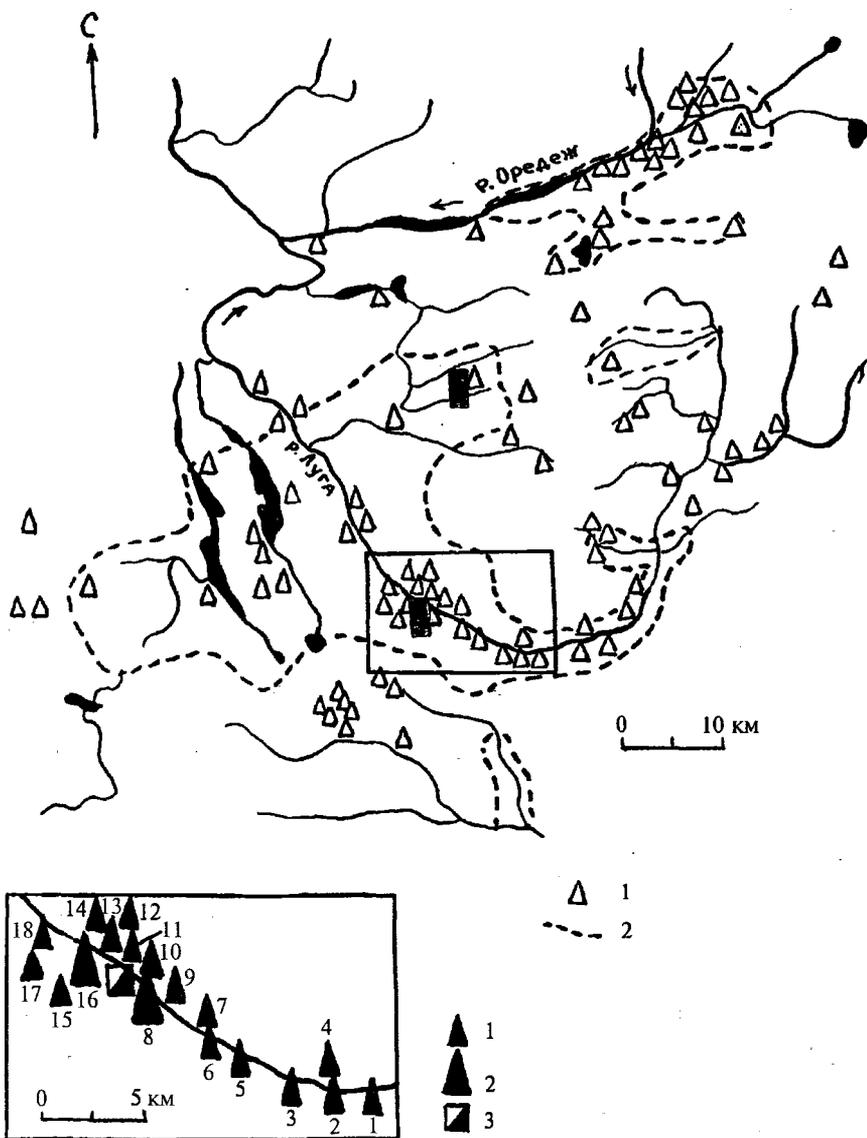

Рис.1

Археологическая карта сопки верхнего Полужья

Условные обозначения: 1 — сопки и сопочные группы; 2 — границы дерново-карбонатных почвенных массивов.

Врезка: Сопки в окрестностях Передольского погоста.

Условные обозначения: 1 — группы не более 2 сопки; 2 — группы из 3 сопки и более; 3 — Центральное поселение на Передольском погосте.

Список памятников к врезке: 1 — Косицкое 3; 2 — Глухой Бережок; 3 — Малый Волочек; 4 — Жилой Бережок 1; 5 — Новое Овсино; 6 — Малый Волок (Овсино); 7 — Большой Волок 1; 8 — Центральная группа у Передольского погоста (Заполье 1); 9 — Заупора; 10 — Княжева Горка (уроч. Коломище); 11 — Княжева Горка — Речка (сопка, раскопанная Л.Н. Целепи); 12 — Княжева Горка 2; 13 — Речка 2; 14 — Речка 1; 15 — Кшева 2; 16 — Подберезье 1; 17 — Лихарева Горка 3; 18 — Лихарева Горка 4; 19 — Передольский погост

части сопки. Однако эта западина может быть названа «ровиком» лишь условно.

Обе насыпи имели каменное кольцо по основанию, сложенное из крупных и средних валунов в 2–4 яруса. Отдельные большие камни залегали непосредственно на материке (то есть на подрезке,

оказавшей подготовленную дерновую площадку и небольшую первичную насыпь в центре ее). Остальные камни выкладывались уже по подсыпке. Огражденные сопки № 3 было двойным. В обоих случаях каменные ограды оказались разорваны с севера (рис. 2–3).

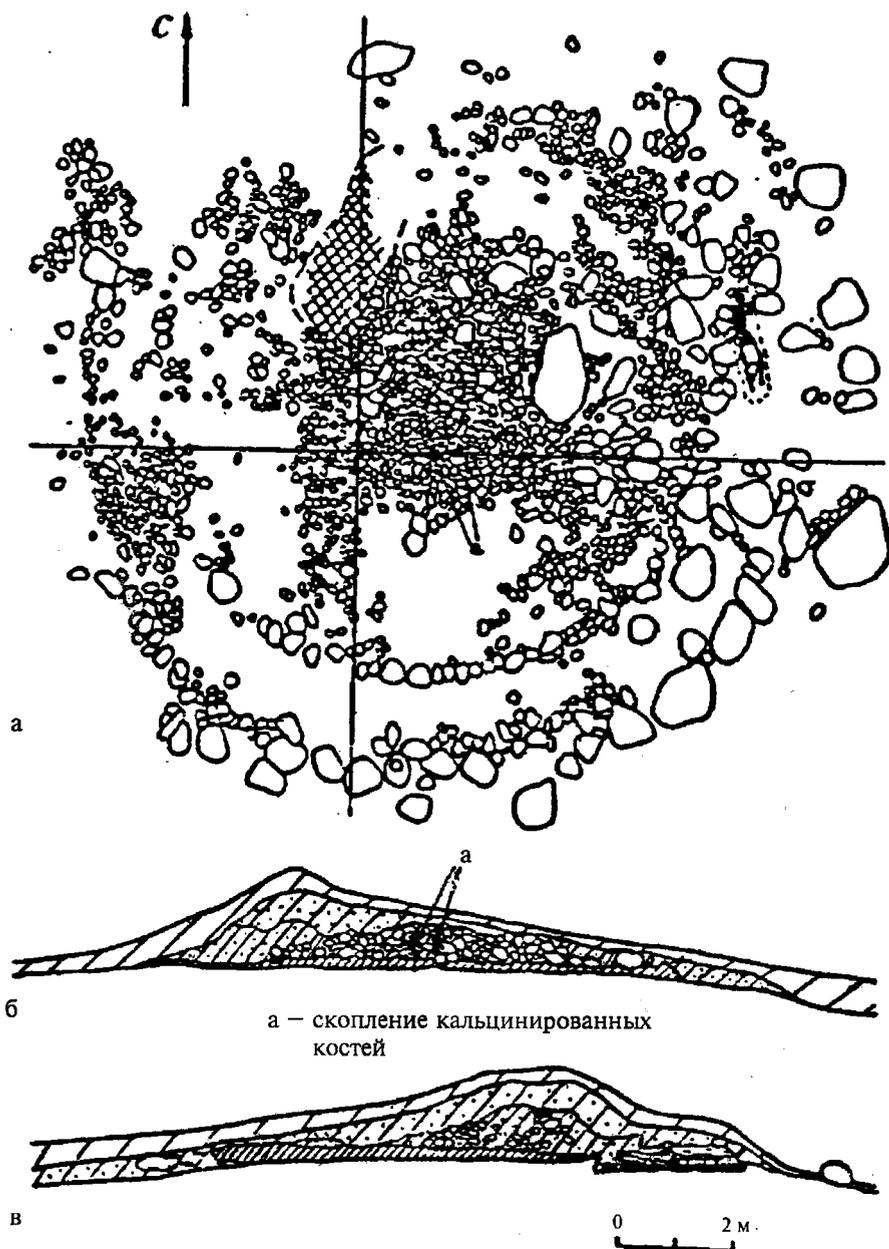

Рис. 2
Сопка № 3 Центральной группы у Передольского погоста.
а — скопление кальцинированных костей; б-в — разрезы

В обеих насыпях наблюдались мощные конструкции из валунов в центре в виде каменных куч или, скорее, многослойных вымосток. Эти вымостки представляли собой верхнюю часть небольших первичных насыпей из дерна и валунов в центре подкурганых площадок. В сопке № 3 эта насыпь была низкой и плоской. В сопке № 4 она, по-видимому, имела пирамидальную форму. Тем не менее, однотипность конструкций в целом не вызывает сомнения. Следует отметить,

что очень похожая картина зафиксирована в ходе дореволюционных раскопок сопки, находившейся в 2 км от Центральной группы на противоположном (правом) берегу р. Луги (рис. 1, врезка, № 11). Эта насыпь, расположенная между дер. Княжева Горка и Речка, была исследована в 1899 г. Л.Н. Целепи, не имевшим никакой подготовки в деле раскопок курганов с трупосожжением, а тем более сопки. Никаких погребений в насыпи он не нашел, возможно, просто не заметив

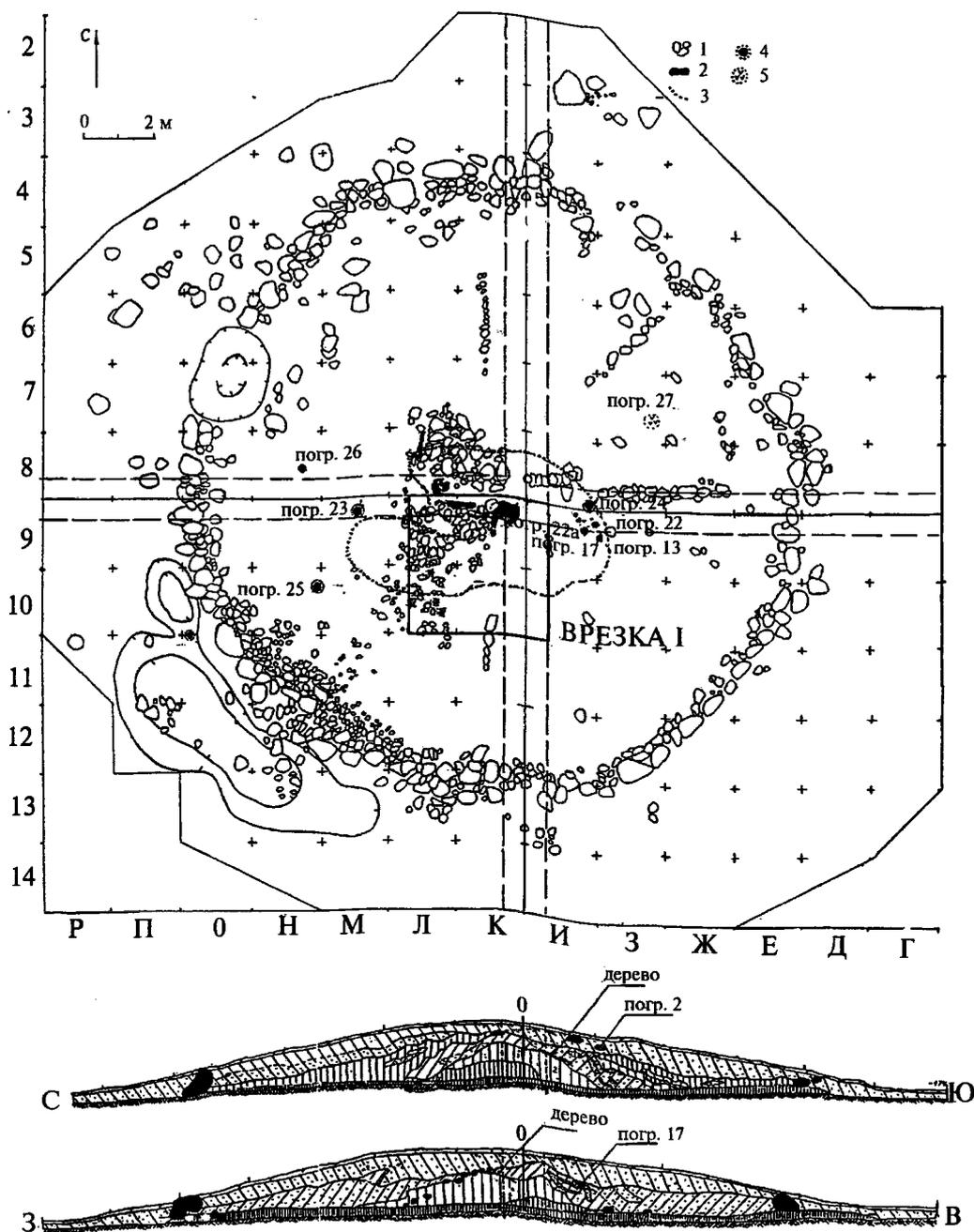

Рис. 3

Сопка № 4 Центральной группы у Передольского погоста.

а — каменные конструкции и погребения нижнего горизонта насыпи; б — разрезы.
Условные обозначения: 1 — камни; 2 — остатки дерева; 3 — границы распространения костяного слоя верхнего яруса; 4 — погребения нижнего яруса; 5 — реконструируемая граница первичной насыпи на площадке.

кальцинированных костей россыпью. Помимо каменного кольца по основанию сопки, единственной деталью, зафиксированной им более-менее достоверно, была «куча» валунов в центре площадки⁵. Из этого можно сделать вывод, что все три

насыпи, раскопанные в разное время в округе Передольского погоста, имели совершенно однотипные каменные конструкции.

Сопки № 3 и № 4 Центральной группы имели многослойную структуру, но выраженные гумусные прослойки между

ярусами в них отсутствовали. По-видимому, никакого ощутимого хронологического разрыва между отдельными этапами насыпки не было. Вероятно, эти этапы отражали, скорее, последовательность ритуальных действий при сооружении сопки. Земляных валиков по окружности площадки не сооружалось. Насыпка в обоих случаях велась от центра к краям.

Наконец, очень важно отметить, что в обеих сопках на различных стратиграфических уровнях наблюдались захоронения кальцинированных костей россыпью. С точки зрения функциональной и типологической близости этих насыпей особенно важным является наличие погребений в вершине. Подробное описание комплекса захоронений верхнего яруса сопки № 4 (представлявшего собой, по сути, длительно функционировавший могильник) будет дано ниже. В сопке № 3 аналогичный верхний уровень погребений не сохранился *in situ*. Вершина ее оказалась разрушена, но кальцинированные кости, повсеместно встречавшиеся под дерном в ходе раскопок, указывали на то, что «могильник» функционировал какое-то время и на этой сопке. В связи с этим можно добавить, что отдельные косточки, рассеянные прямо по поверхности, зафиксированы в ходе разведки и на других, еще не раскопанных насыпях Центральной группы.

Сходная погребальная традиция была зафиксирована С.Л. Кузьминым при раскопках сопки в верхнем Поплюсье (Сковородка) и в Полужье в долине р. Оредеж (Пристань). Внутреннее устройство насыпи Пристань I, по сути, совершенно идентично тому, что описано выше. Здесь так же налицо отсутствие «платформ» и ровиков, использование площадки из дерна, сооружение в центре ее небольшой первичной насыпи из дернин с каменными вымостками, а, кроме того, строительство сопки в один прием, без ощутимого хронологического разрыва между этапами насыпки, и наличие в ее вершине яруса поверхностных захоронений⁶.

Сходные черты (насыпка от центра к краям, зачистка дерна вокруг площадки и выкладывание камней по подрезке и подсыпке) наблюдались при исследовании небольшого останца разрушенной сопки Мелковичи I на водоразделе рек Луги и Мшаги, произведенного в 1990 г.

Т.А. Жегловой⁷. Таким образом, уже целый ряд насыпей, раскопанных в верхнем Полужье и смежных с ним регионах, являет черты исключительной близости — и конструктивной, и типологической. Конечно, трудно ожидать, что перечисленный набор признаков в неизменном виде будет сопутствовать каждой исследованной верхнелужской сопке. Здесь возможны вариации, и они, действительно, имеются. Так, например, вторая насыпь, раскопанная С.Л. Кузьминым у дер. Пристань, оказалась сооруженной по способу насыпки от краев к центру, который хорошо известен по материалам других сопочных регионов⁸. Но все же на данном этапе изучения тип сопки, описанный выше, явно доминирует на северо-западе Новгородской земли. За этим, возможно, стоят единые закономерности развития культуры, обусловившие сложение тут более-менее единой региональной сопочной традиции не позднее второй половины X в. Данная традиция может быть описана подробнее на материалах двух исследованных перелюжских сопки.

Сопка № 3 Центральной группы

Этапы ритуальных действий при сооружении сопки № 3 выглядят следующим образом. В центре дерновой площадки, обозначенной путем подрезки и маркированной по краям большими валунами, была сооружена низкая плоская насыпь из дернин и камней, набросанных сверху в 3–4 слоя. В поперечнике она составляла 4,5–5 м, в высоту — 0,8 м. Эта насыпь была окружена двойной каменной оградой. Ее поверхностная вымостка имела перемычки с внутренним кольцом ограждения, составляя с ним, до известной степени, единую конструкцию (рис. 2).

В процессе сооружения вымостки на камнях были рассыпаны кальцинированные кости, перекрытые затем слоем камней и гумуса. В пределах россыпи наблюдалось два незначительных скопления костей (возможно, случайных), на расстоянии 0,4 м одно от другого. Кости зафиксированы между камнями на разных высотных уровнях. Вероятно, они ссыпались вниз, проникая в пустоты между камнями. Инвентаря погребение не содержало.

С северо-запада к каменной вымостке первичной насыпи примыкала плоская яма в материке, на дне которой прослеживался слой, похожий на сажу (рис. 2: б–в).

Скорее всего, это яма позднейшего происхождения.

После этого вся площадка и первичная насыпь были перекрыты слоями более светлого суглинка с отдельными дернинами. В дальнейшем в вершину сопки было помещено какое-то количество погребений, совершенных по обряду кремации на стороне. Этот ярус не может быть охарактеризован подробнее из-за обширного перекопа вершины насыпи. В восточной поле сопки обнаружено одно погребение по обряду ингумации в узкой неглубокой яме, ориентированное головой на север с легким уклоном к западу. Погребение не содержало инвентаря. Возможно, оно относится к позднейшему периоду.

Сопка № 4 Центральной группы

Ритуальные действия при сооружении сопки № 4 производились, в общем, по той же схеме, что определена для сопки № 3, но выглядят они более усложненными. Первоначально в центре площадки дерна, обозначенной по кругу подрезкой и маркированной камнями, было воздвигнуто легкое деревянное сооружение около 2 м в поперечнике. Оно было сразу же сожжено и, недогоревшим, засыпано землей — рыхлым гумусом и дернинами. Следы недогоревшей прямоугольной деревянной конструкции сохранились в насыпи на высоту около 0,6 м от уровня погребенного дерна. Кальцинированных костей эта конструкция не содержала.

Подкурганная площадка была разделена на ряд секторов с помощью радиальных выкладок из валунов. Они ориентированы от центра, маркированного ритуальным кострищем, точно по странам света (рис. 3). Залегали на поверхности погребенного дерна. Близкую аналогию таким радиальным выкладкам представляют собой конструкции сопки № 1 в урочище Победище в Старой Ладоге (14—1 по каталогу В.П. Петренко)⁹.

Над ритуальным кострищем была сооружена небольшая первичная насыпь из гумуса. Она представляла собой земляной конус высотой около 1 м, «облицованный» камнями в 1—2 слоя по северо-западному и юго-западному склонам. Конус имел уплощенную вершину. В поперечнике первичная насыпь составляла 6,5—7 м. С восточной стороны ее наблюдалась радиальная выкладка из валунов по

склону (рис. 3). На поверхности были выявлены следы дерева в виде тонкого слоя древесного тлена с отдельными мелкими угольками. Тлен сохранился на участке около 1 кв.м в 0,5 м к югу от центра первичной насыпи (помост?). Выше него в насыпи залегала каменная вымостка, соответствовавшая уже второму этапу сооружения сопки.

Первичная насыпь имела многослойную структуру, будучи сложена из дерна и гумусированного суглинка, окрашенного в верхней части интенсивнее, чем в нижней. Уже после того, как эта насыпь была сооружена, у ее подножия, в 4 м к юго-востоку от ее центра, на небольшой подсыпке было совершено погребение 13 — первое по времени погребение в сопке¹⁰.

Погребение 13: безурновое. Скопление кальцинированных костей овальное в плане, в поперечнике 14×8 см. Кости перемешаны с песком, общий их объем незначителен. Толщина слоя, в котором встречаются кости — 2 см. Примесь угольков отсутствует. Вещей нет.

И первичная насыпь, и погребение 13 у ее подножия были перекрыты слоями суглинка, заполнившими пространство между нею и каменным ограждением площадки. В результате получилась плоская низкая насыпь второго этапа — 18 м в диаметре и 1,3—1,4 м в высоту. С завершением строительства этой насыпи связаны следующие два (три?) погребения в сопке — скопление костей 22—22а и перекрывшее его погребение 17. В плане все они приурочены к тому же участку, что и предыдущее погребение 13, но находились на 0,5 м выше (рис. 3).

Погребения 22—22а: небольшая россыпь кальцинированных костей, включавшая два их скопления, расположенных в 0,5 м одно от другого на глубине около 0,2 м от поверхности насыпи второго этапа. Кости находились в слое желтого суглинка. Толщина обоих скоплений — не более 1 см. Общий объем костей незначителен. Примесь угольков отсутствует. Захоронение перекрыто линзой песка. Вещей нет.

Погребение 17: округлое в плане скопление костей, очищенных от угля. В поперечнике 18 см, толщина слоя костей — 15 см. Вероятно, захоронение было произведено в органической емкости (туеске?). Присутствуют кости молодого

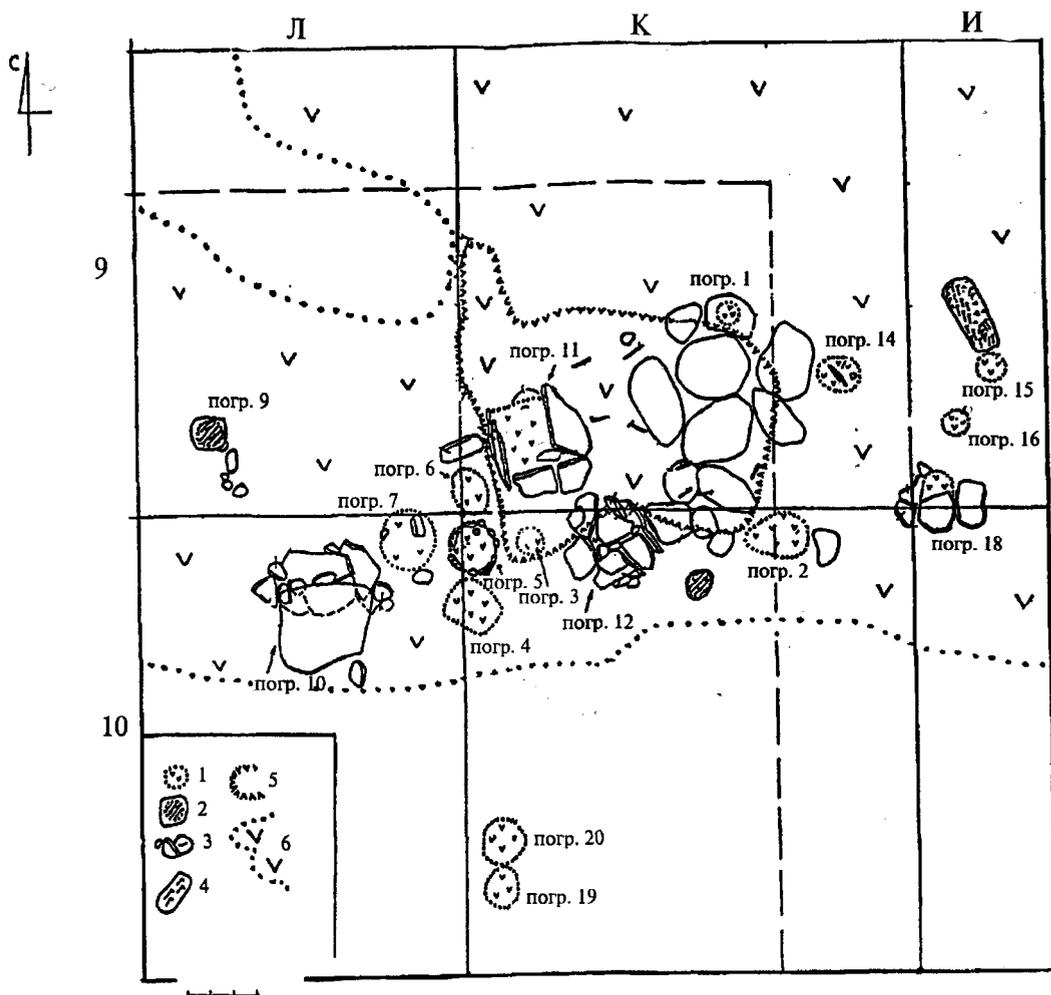

Рис.4

Каменная вымостка и погребения верхнего яруса (врезка 1 к плану сопки на рис. 3).
 Условные обозначения: 1 — погребения; 2 — погребения, перекрытые сверху плиткой; 3 — камни; 4 — остатки дерева; 5 — границы пятна костеносного слоя наибольшей интенсивности; 6 — границы распространения костеносного слоя.

человека и овцы¹¹. Вещей нет. Погребение залегало на поверхности песчаной линзы, перекрывшей предыдущие погребения 22–22а. До середины высоты присыпано песком, выше — суглинком. Рядом с ним в разрезе зафиксирована узкая глубокая ямка. Возможно, здесь в насыпь был воткнут колышек (на глубину около 0,4 м), отмечавший место предполагаемого погребения. После установки урны он был выдернут, а вертикальная ямка заполнилась песком.

Далее плоская насыпь второго этапа была перекрыта слоем серо-желтого суглинка мощностью 0,4 м в центре и до 0,9 м на периферии. В этом горизонте, на глубине 0,2–0,4 м от дневной поверхности находились круглая вымостка из валунов 0,8 м в диаметре и 17 индивидуальных

погребений, сконцентрированных на небольшой площади в 2–4 м к югу от центра сопки (рис. 4). Большинство погребений вплотную примыкало к круглой вымостке. Впускные ямки в слое не прослеживались. Не исключено, что первоначально погребения располагались на поверхности сопки (возможно, под деревянным помостом). На небольшой площади рядом с погребением 15 были зафиксированы остатки тонкого слоя дерева со следами естественного обугливания. Судя по характеру и направлению древесных волокон, это была не цельная плашка, а, скорее всего, остатки настила из жердей, уложенных рядом. Уровень залегания дерева точно соответствовал верхнему уровню погребения 15. Косвенным указанием на то, что первоначально погребения не

были полностью присыпаны, является характер их расположения. Ни одно из них, сконцентрированных на небольшой площади, тем не менее, не нарушает и не перекрывает другого. Верхняя часть керамического сосуда, в который было помещено погребение 5, обломившись, упала сверху на кости соседнего погребения 7. Такое вряд ли могло бы случиться, будь это последнее присыпано сверху землей. Таким образом, можно предположить, что верхняя часть горизонта серо-желтого суглинка над погребениями была досыпана позднее, после разрушения деревянного настила. Однако в целом горизонт серо-желтого суглинка имеет достаточно аморфный и однородный характер.

Среди индивидуальных погребений верхнего яруса можно выделить три различных вида: 1 — погребения в ящичках из плит (около 40 см в поперечнике); 2 — погребения в органической емкости («безурновые»), иногда поставленные на каменную плитку или, наоборот, перекрытые таковой; 3 — погребения в керамической урне.

Все погребения без исключения содержали кальцинированные кости без примеси угольков. Приведем их описание:

Погребение 2: безурновое. Скопление костей округлое в плане и овальное в разрезе. В поперечнике 35 см, толщина слоя костей — 20 см. Среди костей находились две бронзовых спиральки (рис. 5: 15–16), а также капли серебра и бронзы и остатки оплавленных стеклянных бус — молочных-белых, синих и глазчатой.

Погребение 3: безурновое. Скопление костей округлое в плане. В поперечнике 12 см, толщина слоя — 8 см. Вещей нет.

Погребение 4: безурновое. Подстилалась каменной плиткой. В поперечнике 25 см, толщина слоя — 6 см. Вещей нет.

Погребение 5: урновое. Кости ссыпаны в глиняный горшок с максимальным расширением в верхней трети и ребром по плечу (рис. 5: 25). Венчик сосуда слегка отогнут, тесто — довольно плотное, с примесью дресвы. Обжиг средний. Урна была раздавлена. Нижняя часть ее, распавшаяся на ряд фрагментов, находилась *in situ*. Верхняя — частично раскрошилась, частично лежала поверх соседнего погребения 7. Толщина слоя костей в урне 5 см. Вещей нет.

Погребение 6: безурновое. Скопление костей округлое в плане, в поперечнике —

20 см, толщина слоя — 3 см. Подстилалась каменной плиткой. Возможно, кости принадлежали ребенку. В 2 см от них найдено 2 фрагмента проволочного украшения (височного кольца большого диаметра?). Однако принадлежность их данному погребению сомнительна.

Погребение 7: безурновое. Скопление костей 22×26 см в поперечнике. Толщина слоя 7 см. Вещей нет. Поверх костей лежали фрагменты верхней части урны погребения 5 (см. выше).

Погребение 8: безурновое. Перекрыто каменной плиткой. Скопление костей округлое в плане, в поперечнике — 20 см. Толщина слоя 3 см. Возможно, кости принадлежали мелкому животному. Найдено бронзовое кольцо из толстой проволоки, со сходящимися концами (рис. 5: 5).

Погребение 9: безурновое. Скопление костей округлое в плане, в поперечнике 12 см, толщина — 2 см. Найдены бронзовая трапециевидная подвеска (рис. 5: 9) и оплавленная стеклянная бусина.

Погребение 10: каменный ящик из плиток, раздавленный наваленным сверху большим валуном. Скопление костей овальное в плане, в поперечнике — 40×20 см, вытянуто в направлении СЗ–ЮВ. Толщина слоя 10 см. В погребении представлены кости взрослого человека. Найдены обломки серебряного спирального украшения (накосника?) (рис. 5: 20), обломок серебряной петельки для подвешивания (рис. 5: 14), капли расплавленного серебра, фрагмент округлой многогранной сердоликовой бусины, побывавшей в огне (рис. 5: 23), а также спекшиеся и оплавленные стеклянные бусы — синие (в том числе пронизка), голубая, печеночно-красная и глазчатая синяя с бело-желтыми глазками.

Погребение 11: каменный ящик из плиток со сторонами около 40 см. Ориентирован по сторонам света с легким уклоном к западу. Имелись плитняковая крышка и дно. Толщина слоя костей внутри — 10 см. Представлены кости взрослого человека. Вещей нет.

Погребение 12: каменный ящик из плиток, сильно деформированный. В поперечнике около 40 см. Присутствовали плитняковая крышка и дно. Толщина слоя костей 9 см. Кости принадлежали человеку. Среди плиток деформированного ящика найден четырехгранный железный гвоздь (рис. 6: 7).

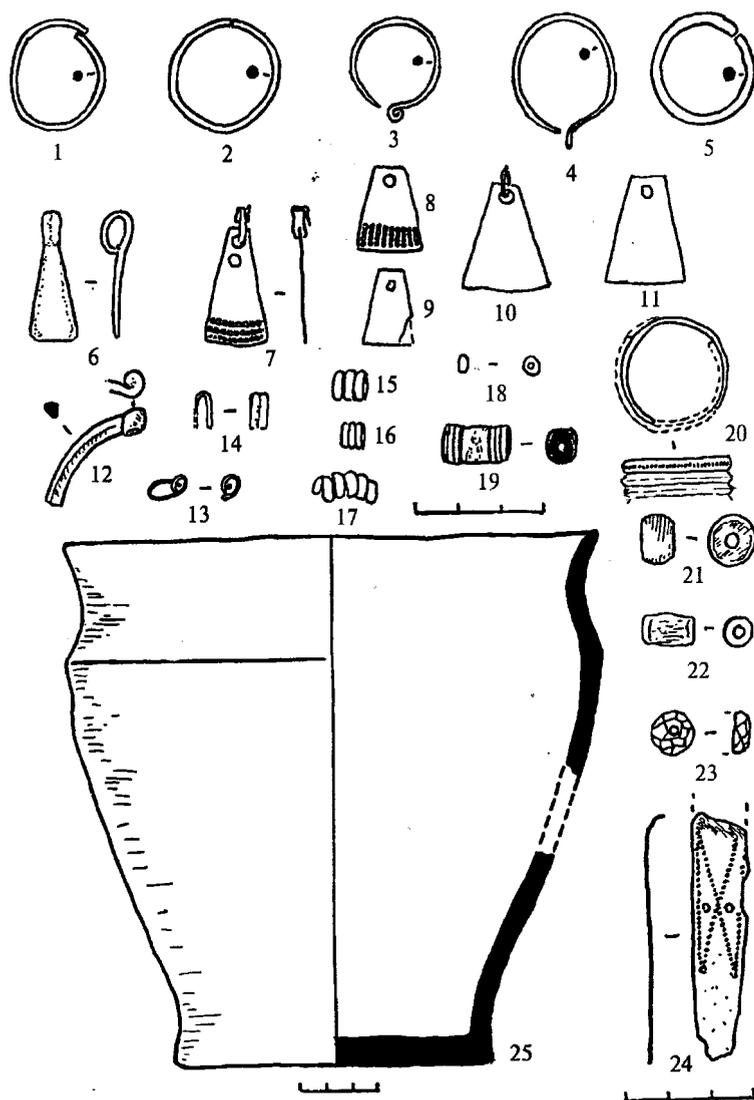

Рис.5

Находки из сопки № 4 Центральной группы у Передольского погоста.

1-3,6-8,10-11 — погр.18; 5 — погр.8; 9 — погр.9; 14,20,23 — погр.10; 15-16 — погр. 2; 25 — погр.5; 17,21,22 — костеносный слой; 4,12,24 — предметы из насыпи.
1-13, 15-17, 24 — бронза; 14,20 — серебро; 18-19,21 — стекло; 23 — сердолик; 25 — керамика.

Погребение 14: безурновое. Скопление костей овальное в плане, в поперечнике — 19×15 см. Толщина слоя 4 см. Поверх костей лежали железный нож (рис. 6: 1) и железная прямоугольная пряжка (рис. 6: 5).

Погребение 15: безурновое. Скопление костей округлое в плане, в поперечнике — 12 см. Толщина слоя 10 см. Кости принадлежали человеку. Вещей нет.

Погребение 18: каменный ящик, сильно деформированный. Имелись плитняковое дно и крышка. Скопление костей подпрямоугольной формы, 30×18 см в поперечнике. Выгнуто в направлении С-Ю с легким уклоном к западу. Толщина слоя костей 5 см. Поверх костей

находились предметы, не побывавшие в огне, представлявшие собой остатки женского головного убора. Среди них две литых бронзовых подвески, по форме напоминающих лапчатые (рис. 5: 6), три неорнаментированных трапециевидных подвески (рис. 5: 10-11), две трапециевидных подвески, украшенных пуансонным орнаментом (рис. 5: 7-8), проволочные височные кольца — со сходящимися концами (1 экз., рис. 5: 2), со слегка заходящими концами (1 экз., рис. 5: 1), с одним заостренным концом и спиральным завитком на другом конце (1 экз., рис. 5: 3). Диаметр колец — 2-2,5 см.

Подвески были расположены в погребении как бы двумя скоплениями, в каждое

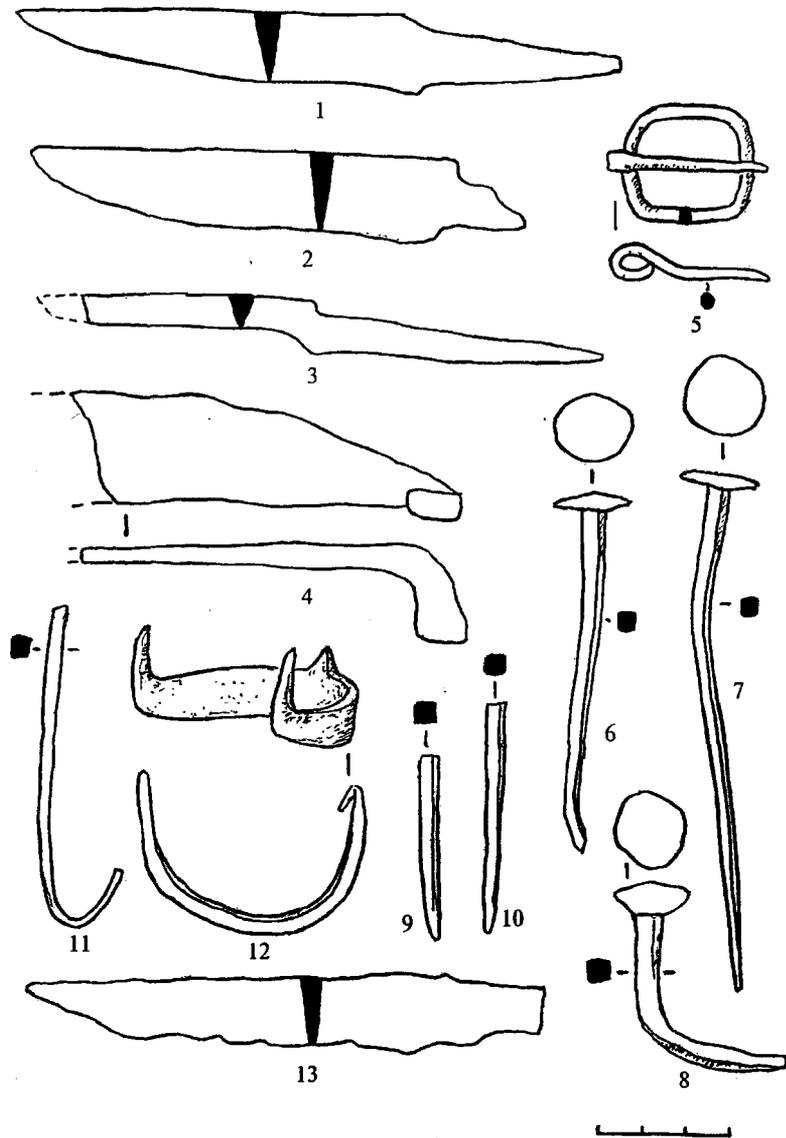

Рис.6

Находки из сопки № 4 (продолжение). Предметы из железа.
1,5 — погр.14; 7 — погр.2; 6,8-10 — костеносный слой; 2-4,11-13 — предметы из насыпи.

из которых входили одна «лапчатая», одна трапецевидная орнаментированная и одна неорнаментированная. Еще одна неорнаментированная подвеска лежала отдельно. Височные кольца находились в 3-6 см от групп подвесок. Два из них лежали рядом, одно — отдельно. Если допустить, что подвески были изначально прикреплены к кольцам, то, вероятно, они крепились не непосредственно к ним, а на шнурках длиной не менее 3 см. С каждой стороны находилось по три разных подвески и по одному перстнеобразному кольцу. Кольцо со спиральным завитком, безусловно, является серьгой и, возможно, было положено отдельно.

Среди костей погребения 18 обнаружены: бронзовая проволочка, согнутая в виде миниатюрной «английской булавки» (возможно, колечко для подвешивания) (рис. 5: 13) и оплавленные стеклянные бусы. Сравнительно мало обгорела призматическая пронизка синего стекла с красными и желтыми полосками по краям, относящаяся к группе Ga по Ю. Кальмеру (рис. 5: 19). Среди других бус можно опознать 2 экз. зеленого рубленого бисера и, возможно, 2 экз. черного (?) бисера (рис. 5: 16). Остальные бусы оплавлились до полной потери формы и цвета.

Погребение 19: безурновое. Скопление костей округлое в плане, 15×18 см

в поперечнике. Толщина слоя 4 см. Вещей нет. Кости принадлежали молодому человеку.

Погребение 20: безурновое. Скопление костей округлое в плане, 20 см в поперечнике. Толщина слоя 7 см. Кости принадлежали молодому человеку. Найдены капли расплавленной бронзы и оплавленные печеночно-красные бусы.

Начиная с уровня верха описанных погребений и выше (на глубине от 5 до 20 см от дневной поверхности) в насыпи оказались рассеяны кальцинированные кости. Россыпь, а, точнее, костеносный слой зафиксирован на площади около 24 кв.м (рис. 3–4). Особенно насыщен костями участок над круглой каменной вымосткой и к юго-востоку от нее (рис. 4). С этим участком связана находка 14 обломков четырехгранных железных гвоздей. Здесь же найдены бронзовая спиралька (рис. 5: 17), костяная обожженная бусина (рис. 5: 22), печеночно-красная боченковидная бусина (рис. 5: 21) и обломок бронзовой подковообразной пряжки.

На поверхности одного из плоских камней вымостки обнаружено небольшое скопление кальцинированных костей, условно принятое за индивидуальное погребение 1. Скорее всего, это скопление носит случайный характер. Вещей оно не содержало.

Костеносный слой в вершине и на южном склоне сопки, несомненно, представлял собой остатки достаточно многочисленных погребений, рассеянных и рассыпанных по поверхности насыпи. Часть костей и вещей, высыпанных на вершину, постепенно сползала вниз. Поэтому отдельные кости и их мелкие скопления зафиксированы и на периферии сопки. Скорее всего, именно с костеносным слоем изначально были связаны такие находки, как височное кольцо с отогнутым концом (рис. 5: 4), железный нож группы IV по Р.С. Минасяну (рис. 6: 3), обломок спиралеконечной подковообразной пряжки (рис. 5: 12). Все они происходят из горизонта серо-желтого суглинка на периферии насыпи. В этом же слое найдены обломок косы-горбуши (рис. 6: 4), обломок железной дужки, два сломанных железных ножа (рис. 6: 2, 11, 13), а также обувные оковки эпохи позднего средневековья (рис. 6: 12). В восточной поле сопки в основании каменной крепиды был

найден обломок древнерусского пластинчатого браслета с орнаментом XII–XIII вв. (рис. 5: 24)¹².

Происхождение аморфного слоя мощностью около 20 см, перекрывшего индивидуальные погребения верхнего яруса и насыщенного кальцинированными костями, возможно, объясняется не единовременной досыпкой сопки, а многочисленными небольшими подсыпками, имевшими целью прикрыть очередную россыпь костей на вершине. Костеносный слой, перекрывший индивидуальные погребения, скорее всего, формировался уже тогда, когда традиция совершения таких погребений прекратилась.

Датировка отдельных комплексов сопки № 4 представляет известные трудности, так как украшения, найденные в этих погребениях, как правило, входят в состав женского убора, широко датируемого рубежом I–II тыс.н.э. Уточнить их хронологию можно лишь в тенденции. Так, например, время массового распространения печеночно-красных боченковидных бус на Северо-Западе приходится на IX–X вв.¹³, но отдельные бусины этого типа встречаются в погребальных древностях вплоть до первой трети XII в. Эта датировка установлена по материалам культурного слоя Новгорода¹⁴. В сопке № 4 печеночно-красные бусы обнаружены в костеносном слое на вершине и в двух индивидуальных погребениях верхнего яруса (10 и 20), причем в последнем представлено несколько экземпляров. При этом в сопке совсем не встречено очень характерных для погребальных древностей конца X–XI в. оранжевых боченковидных и желтых лимоновидных бус. Все оплавленные экземпляры, поддающиеся приблизительному определению по форме и цвету, относятся к числу ранних, бытовавших в VIII–IX вв., хотя нередко доживавших и до более позднего времени (мозаичная, глазчатые, молочно-белые бусы, синяя пронизка, рубленный бисер и т.д.). Такой набор в целом является аргументом в пользу датировки верхнего яруса индивидуальных погребений в сопке периодом не позднее X в.

Сердоликовая многогранная бусина, фрагмент которой был найден в каменном ящике, среди костей погребения 10, имела шарообразную форму, слегка уплощенную с боков. Ее диаметр 1 см (рис. 5: 23). Бусы

такого типа в Ладоге не встречаются ниже горизонта Д¹⁵. Новгородские материалы свидетельствуют о том, что уже в последней четверти X в. форма их слегка изменяется, приближаясь к битрапецоидной¹⁶.

Обломок спирального украшения в том же погребении 10, по-видимому, представляет собой фрагмент наконсника (рис. 5: 20). Аналогии ему имеются в сопках¹⁷ и сопковидных курганах, в конструкции которых прослеживается явная сопочная традиция¹⁸. В этих комплексах он датируется IX — первой половиной X в. В культурном слое Ладоги фрагмент наконсника датируется так же первой половиной IX в. В таком случае, в сочетании с находкой сердоликовой многогранной бусины, наиболее вероятной датой комплекса в каменном ящике 10 является период около середины X в. Этой датировке вполне соответствует обнаруженный в погребении набор стеклянных бус (синяя пронизка, синяя глазчатая бусина 2 группы по З.А. Львовой, печеночно-красные бусы и оплавленная голубая неясной формы). Все эти типы очень характерны для I половины — середины X в.¹⁹

Трапецевидные подвески с горизонтальными полосками пуансонного орнамента, найденные в каменном ящике 18, имеют аналогии в культуре смоленско-полоцких длинных курганов (Щурковка, Рацкий Бор, Еленово)²⁰ и на памятниках раннего этапа древнерусской культуры на Северо-Западе (Боково, Городок на Ловати и др.)²¹. Они могли бытовать в IX—XI вв. и позднее. Неорнаментированные трапецевидные подвески в ряде случаев встречены в сопках (Велеша, Сквородка II, Репьи — верхний ярус) и очень широко представлены в слоях синхронных сопкам древнерусских поселений X—XI вв. (Удрай I, Передольский погост, Которск). С.Л. Кузьмин уверенно включает их в состав женского убора культуры сопки западных районов Новгородской земли²². Вполне возможно, их появление здесь обусловлено влиянием культуры смоленско-полоцких длинных курганов. Распространение их на памятниках сопочного круга западнее оз. Ильмень относится, по-видимому, к X в. В сопке № 4 такие подвески встречены в двух погребениях (9 и 18). Материалы комплекса в каменном ящике 18 указывают на то, что они могли использоваться

носителями культуры сопки как височное, а не нагрудное украшение.

Простые перстнеобразные кольца с смкнутыми или слегка заходящими концами датируются по новгородским аналогиям серединой XI — концом XIII вв.²³. Ниже 23 яруса они не встречены. Однако южнее — в верхнем и среднем Поднепровье — такие украшения могут относиться и ко второй половине X в. — по аналогиям в Гнездовском могильнике²⁴, Шестовицах²⁵ и Киевском некрополе²⁶. Их появление в сопочном погребении, датируемом, предположительно, не позднее X в., может быть обусловлено культурным влиянием с юга (вероятно, из области Смоленского Поднепровья).

Бронзовая серьга с завитком на одном конце, найденная в каменном ящике 18, имеет серию аналогий в Гнездове, где этот тип датируется X—XI вв.²⁷. В Киевском некрополе такие кольца найдены вместе с монетами-подвесками начала X в.²⁸. Еще более раннему времени принадлежат находки из культурного слоя Ладоги (первая треть IX в., рубеж IX—X в.)²⁹. Исходные формы таких колец обнаружены на памятниках третьей четверти I тыс. н.э. на Южном Буге (селище Семенки)³⁰. Похожие височные кольца, слегка превышающие в диаметре 2,5 см, доживают на широкой территории до XIII в. включительно. Временем начала их массового распространения считается X в.³¹

Наиболее территориально и, вероятно, хронологически близкая аналогия серьге из сопки № 4 — кольцо из сопковидного кургана в группе Которск IV в верхнем Поплюсье (раскопки С.Л. Кузьмина). Конструктивно этот курган очень близок описываемому типу сопки и, по-видимому, отражает ту же традицию. Свидетельством тому является его насыпка от центра к краям, сооружение первичной насыпи в виде пирамиды из дерна, наличие в вершине одного индивидуального погребения и россыпи кальцинированных костей по поверхности. Инвентарь, встреченный в кургане, также очень близок набору вещей, представленному в сопке № 4 (наконсник, спиральные пронизки, синяя бусина, железный нож того же типа, что и нож из погребения 14)³². Вероятно, этот комплекс следует отнести к первой половине — середине X в.

Литые «лапчатые» подвески, обнаруженные в каменном ящике 18, не имеют

аналогий среди хронологически близких древностей Северо-Запада. Похожие по форме и технике изготовления пластинчатые привески встречены в комплексах поздней (урьинской) стадии ломоватовской культуры (VIII–IX вв.) в верхнем Прикамье³³. Однако подвески из сопки № 4 отличаются более вытянутыми пропорциями и меньшим «зооморфизмом», по сравнению с ломоватовскими привесками-лапками. Более близкую аналогию им представляют трапециевидные привески к коньковым подвескам группы 5 по Е.А. Рябинину, происходящие из Владимирских курганов и датируемые, преимущественно, второй половиной X — первой половиной XI вв. В отдельных случаях эти привески имеют вытянутые пропорции, близкие тем, что встречены в сопке № 4³⁴. Появление такого типа украшений на Северо-Западе, безусловно, является результатом культурного влияния из области среднего Поволжья. Следует отметить лишь, что, в данном случае эти предметы были включены в состав женского убора совершенно иного характера. Они использовались как обычные трапециевидные подвески к серьгам или височным кольцам, а не представляли собой нагрудное украшение, прикрепленное к специальной трубчатой или коньковой основе, как это имело место в Прикамье и Волго-Клязьминском междуречье.

Несколько уточнить дату комплекса в каменном ящике 18 позволяет находка в нем призматической пронизки группы Ga по Ю. Калльмеру. Пики распространения таких бус в Северной Европе падают на конец VIII — первую половину IX вв., а также на конец IX — начало X в. По мнению Ю. Калльмера, к 980 г. пронизки этого типа полностью выходят из употребления³⁵. Аналогии таким пронизкам в Ладозе относятся к I категории I группы по классификации З.А. Львовой. Это очень ранние бусы, представленные, преимущественно, в горизонте E и редко встречающиеся в горизонте D³⁶. Таким образом, восточноевропейские материалы показывают ту же динамику типа, которая отмечена Ю. Калльмером для Северной Европы. Поэтому предложенная им верхняя хронологическая граница распространения таких бус, в принципе, может быть принята как верхняя дата погребения 18 в сопке № 4.

В целом этот комплекс, включающий перстнеобразные височные кольца (серьги), орнаментированные и неорнаментированные трапециевидные подвески, «лапчатые» подвески, рубленый бисер и пронизку группы Ga по Ю.Калльмеру, можно отнести, по сочетанию типов инвентаря, к середине—третьей четверти X в.

Остальные индивидуальные погребения сопки № 4, вероятно, следует суммарно датировать X веком. Уточнить их хронологию в рамках X в. пока не представляется возможным. Костеносный слой, перекрывающий верхний ярус погребений, относится к концу X и, вероятно, к XI в.

Подводя итоги, следует отметить, что исследования последних лет в западных новгородских землях изрядно пошатнули представление о якобы совершенно незначительной роли погребальной функции в сопках. Обнаружение в вершинах непогрешенных насыпей десятков погребений по обряду кремации на стороне, заставляет пересмотреть это расхожее мнение. Следует четко сформулировать: любая сопка с поврежденной или снесенной вершиной не является полноценным источником для характеристики погребального обряда этой культуры. Более того, в определенном смысле, использование данных такого рода может способствовать (и способствовало!) формированию ошибочного взгляда на проблему. Сопки со снесенными вершинами доносят до исследователя очень неполный процент информации о погребениях, которые могли изначально в них содержаться. Захоронения в сопках не распределялись равномерно по всем горизонтам насыпи. Малое количество погребений на подкурганых площадках и в нижних горизонтах сопки в настоящий момент установлено достоверно и вряд ли подлежит сомнению. Однако раскопки неповрежденных сопки уже в целом ряде случаев позволили сделать вывод об устройстве в их вершинах целых могильников с трупосожжениями, которые могли функционировать от нескольких дней до нескольких десятилетий. Поскольку именно вершины больших курганов, в первую очередь, во все времена привлекали внимание кладоискателей, такая специфика сопки, по-видимому, привела к тому, что основная масса погребений оказалась разрушенной еще до начала научных исследований этих памятников.

Кальцинированные кости часто обнаруживаются в дерне на вершинах сопки в ходе разведочного осмотра. Безусловно, это требует целенаправленного поиска. В настоящий момент они зафиксированы на каждой из четырех уцелевших насыпей Центральной группы у Передольского погоста, включая гигантскую Шум-гору (сопку № 5). Разумеется, характер и размеры этих россыпей могут быть выяснены только в ходе раскопок. Но, в принципе, можно ожидать наличия могильников не только на вершинах «малых» сопок, сооруженных в один прием, но и на насыпях иного типа. Как уже было справедливо отмечено С.Л. Кузьминым, остатки погребений «между ярусами» целого ряда больших многоярусных сопок Ловатского скопления (Коровитчино, Селяха, Марфино — № 1), вполне могут быть интерпретированы как поверхностные, перекрытые затем верхним ярусом насыпи³⁷.

Дальнейшие исследования покажут, насколько справедливы данные предположения и насколько они применимы ко всем локальным вариантам культуры сопок. В настоящий момент есть основания считать, что наличие могильника в вершине, действительно, очень характерно для того типа сопочной насыпи, который сформировался на северо-западе Новгородской земли в первой половине-середине X в. Сооружение такой сопки было связано с комплексом достаточно сложных ритуальных действий. Единая последовательность и повторяемость обрядовых действий, зафиксированная уже на

нескольких памятниках, говорит о достаточно развитом и устойчивом ритуале. По-видимому, каждый из этапов сооружения насыпи, начиная с обозначения подкурганной площадки, нес определенную смысловую нагрузку. Вероятно, свой особый смысл имело и помещение отдельных немногочисленных захоронений или россыпей кальцинированных костей в нижние горизонты насыпи. Но по-настоящему сопка становилась местом погребения усопших членов родового или иного коллектива уже по завершении ее строительства. В отличие от иных типов курганов Древней Руси IX—XI вв., возводившихся, над неким конкретным погребением или погребениями, сопка рассматриваемого типа строилась под будущие погребения. В верхней части ее помещалась усыпальница, которая и функционировала в течение какого-то достаточно длительного периода времени. Близкие по типу погребельные сооружения (деревянные «камеры», помещенные в насыпь кургана и содержащие разновременные захоронения по обряду кремации на стороне) зафиксированы в ряде могильников VIII—X вв. на Верхнем Дону и на Верхней Оке. Керамика, найденная в них, по большей части, находит аналогии среди сосудов роменского типа³⁸. Вероятно, здесь мы имеем дело с фактом развития сходных традиций и представлений, существовавших у разных территориальных групп населения Древней Руси и, возможно, принесенных на север Восточной Европы славянами.

***

- 1 Седов В.В. Новгородские сопки // САИ. Е1—8. М., 1970; Лебедев Г.С., Платонова Н.И., Лесман Ю.М. Археологическая карта верхнего Полужья (вторая половина I — первая половина II тыс.н.э.) // Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья. Л., 1982. С. 45—49 и карта; Кузьмин С.Л. Оредежские сопки // Население Ленинградской области: материалы и исследования по истории и традиционной культуре. СПб., 1992. С. 16—26.
- 2 Долуханов П.М., Носов Е.Н. Палеоландшафты и заселение территории Северо-Запада в VI—X вв. // Новое в археологии Северо-Запада СССР. Л., 1985. С. 20; Конечский В.Я. Некоторые вопросы исторической географии Новгородской земли в эпоху средневековья // НИС. Вып.3 (13). Л., 1989. С. 11—12.
- 3 Быстров М. Остатки старины близ Передольского погоста, Лужского уезда, Санкт-Петербургской губернии (описание курганов и кладбищ этой местности) // Известия ИРАО. Т. 9. Вып. 4. СПб., 1880. С. 381—398; Платонова Н.И. Укрепленные поселения Лужской волости // Материалы по археологии Новгородской земли (1990). М., 1991. С. 72—79.
- 4 Платонова Н.И. Укрепленные поселения... С. 76—77. Рис.3.
- 5 РА ИИМК РАН. Ф.1. 1899. Д. 113.
- 6 Кузьмин С.Л. Оредежские сопки... С. 17—20.
- 7 Автор выражает глубокую признательность Т.А. Желговой за предоставленные материалы.
- 8 Кузьмин С.Л. Оредежские сопки... С. 20—21.
- 9 Петренко В.П. Погребальный обряд населения Северной Руси VIII—X веков. Сопки Северного Поволжья. СПб., 1994. С. 51—52, 125. Рис. 12.

- 10 Предварительные итоги исследования сопки № 4 были обобщены в публикации: Платонова Н.И. Передольские сопки. Предварительные итоги исследования // Курган. Историко-культурные исследования и реконструкции. СПб., 1996. С. 51–53. Там отмечалось наличие на подкурганной площадке целого ряда погребений в материковых ямках. В инвентаре этих захоронений встречены спиральки, бронзовые колокольчики, проволочные украшения. В отличие от погребений в насыпи сопки, кости в материковых ямках имели примесь угольков. Радиоуглеродный анализ, выполненный в лаборатории археологической технологии ИИМК, показал, что они датируются серединой I тыс.н.э. (V–VI вв.). К сопочной насыпи X в. эти грунтовые погребения не имеют прямого отношения (см.: Платонова Н.И. О «белых пятнах» на археологической карте и новом типе памятников третьей четверти I тыс.н.э. на Северо-Западе // Ладога и Северная Европа. СПб., 1996. С. 9–12). Эта находка указывает на то, что, вероятно, не следует без дополнительных доказательств относить к культуре сопок все те грунтовые погребения и могильники с маловыразительным инвентарем I тыс.н.э., которые в настоящее время обнаружены в окрестностях сопочных групп. Локализация их в тех же ландшафтных условиях, что и сопки, явно не представляет собой исчерпывающего доказательства их хронологического и культурного единства.
- 11 Определение кальцинированных костей произведено научным сотрудником отдела антропологии СПб филиала ИЭ РАН С.Л. Санкиной, которой автор выражает свою признательность.
- 12 Седова М.В. Ювелирные изделия Древнего Новгорода (X–XV вв.). М., 1981. Рис.40: 11–12.
- 13 Львова З.А. Стекланные бусы Старой Ладоги // АСГЭ. Вып.10. Л., 1968. С.72–73.
- 14 Лесман Ю.М. Погребальные памятники Новгородской земли и Новгород. Проблема синхронизации // Археологическое исследование Новгородской земли. Л., 1984. С. 139.
- 15 Рябинин Е.А. Начальный этап поступления полудрагоценных камней на Север Европы. Новые материалы древнейшей Ладоги и их скандинавские аналогии // Ладога и Северная Русь. СПб., 1995. С. 58.
- 16 Полубояринова М.Д. Полудрагоценные камни и янтарь в древнем Новгороде // Новгородские археологические чтения. Новгород, 1994. С. 75. Рис.1: 4.
- 17 Яблоник Д.Л. О двух типах бронзовых украшений культуры сопок // История и археология Новгородской земли. Тезисы научно-практической конференции. Новгород, 1987. С. 25.
- 18 Кузьмин С.Л. Которский погост — локальный центр конца I — начала II тыс.н.э. в верховьях Плюсы // Материалы по археологии Новгородской земли... С. 159.
- 19 Львова З.А. Стекланные бусы... С. 70–75.
- 20 Енуков В.В. Ранние этапы формирования смоленско-полоцких кривичей. М., 1990. С. 201–203.
- 21 Горюнова В.М. Поселок ремесленников на Ловати // Проблемы археологии. Вып.2. Л., 1978. С. 144–146.
- 22 Кузьмин С.Л. О хронологическом соотношении сопок и длинных курганов (по материалам западных районов Новгородской земли) // Проблемы хронологии и периодизации в археологии. Л., 1991. С. 92–97.
- 23 Лесман Ю.М. Хронология ювелирных изделий Новгорода (X–XIV вв.) // Материалы по археологии Новгорода. 1988. М., 1990. С. 69.
- 24 Пушкина Т.А. Височные кольца Гнездовского комплекса // Труды Пятого Международного конгресса славянской археологии. М., 1997. С. 53.
- 25 Бліфельд Д.І. Давньоруські пам'ятки Шестовиці. Київ, 1977. С. 155.
- 26 Каргер М.К. Древний Киев. Т.1. М.-Л., 1958. С. 145 (погр.26).
- 27 Пушкина Т.А. Височные кольца Гнездовского комплекса... С: 52–53.
- 28 Каргер М.К. Древний Киев... Табл. X: 4.
- 29 Кирпичников А.Н. Раннесредневековая Ладога. Итоги археологического исследования // Средневековая Ладога. Л., 1985. С. 17–18.
- 30 Хавлюк П.И. Раннеславянские поселения в бассейне Южного Буга // Раннесредневековые восточнославянские древности. Л., 1976. С. 197.
- 31 Musianowics K. Kablacki skroniowe — proba typologii i chronologii // Swiatowit. T. XX. Warszawa, 1948–1949. S. 192–194.
- 32 Кузьмин С.Л. Которский погост... С. 159–159.
- 33 Голдина Р.Д. Ломоватовская культура в верхнем Прикамье. Иркутск, 1985. С. 45 Табл. XVIII: 1, 3.
- 34 Рябинин Е.А. Зооморфные украшения Древней Руси X–XIV вв. // САИ7 Е1–60. Л., 1981. С. 32–35. Табл. XVII: 3, 4, 8.
- 35 Callmer J. Trade beads... P. 89–90.
- 36 Львова З.А. Стекланные бусы... С. 67. Рис.1: 2.
- 37 Кузьмин С.Л. Оредежские сопки... С. 23.
- 38 Изюмова С.А. Курганный могильник VIII–X вв. около д. Западной // СА. №2, М., 1964. С. 151–159; Никольская Т.Н. Земля вятичей. К истории населения бассейна верхней и средней Оки в IX–XIII вв. М., 1981. С. 27–33; Бессарабова З.Д. Славянские курганы второй половины I тыс. н.э. с трупосождением и деревянными сооружениями на территории Восточной Европы // АСГЭ. Вып. 15. Л., 1973. С. 65–82.